

В. А. КИРШИН

УДК 303.446.22

магистрант, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
dem.chery@gmail.com

КУЛЬТУРНЫЙ КОД РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОБРАЗ А. С. ПУШКИНА В ФОРМИРОВАНИИ «МЕСТ ПАМЯТИ»

Аннотация: В данной статье исследуются тексты русской культуры XIX–XX вв., в которых прослеживается тенденция формирования образа А. С. Пушкина как «места памяти». Автор выделяет три этапа, которые подтверждают эволюцию и/или формирование данного «места памяти». По утверждению Пьера Нора, «места памяти» возникают в точках памятных событий культуры, таким образом воплощая в себе «национальную память». В центре предложенного исследования находится попытка изложить идею, что «места памяти» начинают оформляться не только на почве исторических или культурно-исторических знаковых событий таких, как годовщина и юбилей чего-либо или открытие памятника, но также возникают в периоды культуры, когда отсутствуют каких-либо внешние признаки для формирования. Место памяти, культурная память, многозначность, Серебряный век, символизм, русский символизм, культурно-исторический ландшафт, образ, образ культуры, язык, слово, эпоха, мировой исторический процесс, бинарность, мифология города, пространство, мышление, «Петербург», Андрей Белый.

Ключевые слова: культурный код; места памяти; образ; русская культура; национальное самосознание; Ф. М. Достоевский; П. П. Перцов; А. С. Пушкин; В. С. Соловьев; В. Т. Шаламов.

Для цитирования: Киршин В.А. Культурный код русской культуры: образ А. С. Пушкина в формировании «мест памяти» // Studia Culturae. 2022, 2 (52). С. 163–177. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-52-163-177

V. A. KIRSHIN

Master Student, Institute of Philosophy,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
dem.chery@gmail.com

CULTURAL CODE OF RUSSIAN CULTURE: A. S. PUSHKIN`S IMAGE IN THE FORMATION OF “PLACES OF MEMORY”

Abstract: This article examines the texts of the Russian culture of the 19th–20th centuries, in which the tendency to form the image of Alexander Pushkin as a “place of memory” can be traced. The author identifies three stages that confirm the evolution and/or formation of this “place of memory. According to Pierre Nore, “places of memory” arise at the points of significant events in culture, thus expressing “national memory”. At the center of the proposed study is an attempt to present the idea that “places of memory” begin to form not only on the basis of historical or culturally significant events, such as anniversaries of something or the opening of a monument, but also arise in periods of culture when there are no external signs for the formation.

Keywords: cultural code; memory space; image; Russian culture; national consciousness; F. M. Dostoevsky; P. P. Pertsov; A. S. Pushkin; V. S. Solovyov; V. T. Shalamov.

For citation: Kirshin V.A. Cultural Code of Russian Culture: A. S. Pushkin's Image in the Formation of “Places of Memory” // Studia Culturae. 2022, 2 (52). P. 163–177. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-52-163-177

Образ, роль и идеи А. С. Пушкина в значительной степени повлиял на русскую культуру и её самоидентификацию, определив в той или иной степени открытия последующих мыслителей в России. Сакральное место поэта породило «места памяти», которые мы находим во многих местах русской культуры начиная со второй половины XIX века.

Идеи, образы, формы мыслей и мнений выкристаллизовываются вокруг исторических событий, праздников, торжеств, а также произведений искусств и литературы,

формируя «места памяти» национальной общности. Можно выделить два исторических события, которые формируют основные «места памяти», связанные с поэтом. Первое относится к открытию первого памятника Пушкину в 1880 г., ознаменованное рядом статей и выступлений деятелей культуры¹. Второе — к столетию со дня рождения поэта в 1899 г., когда также проходили выступления и публиковались статьи о поэте. Для русской культуры в 1899 г. характерен пересмотр роли и места Пушкина в самосознании России, это связано с переживанием в течение всего XIX века опыта войны 1812 г. и своего места, как культуры, рядом с другими европейскими народами.

Культура мыслит себя через образ. В данном случае мы имеем дело не только с историческим событием, но с образом в культуре, формировавшимся под влиянием этих событий. В 1880 г. был установлен памятник Александру Сергеевичу Пушкину, на открытии которого писатели и общественные деятели произнесли программные речи, определившие характер самопонимания русской культуры в связи с обращением к творчеству и личности Пушкина. 1899 г. — столетний юбилей поэта — стал продолжением рефлексии, и осмысление наследия Пушкина происходило в насыщенной полемике интеллектуалов.

В русской культуре складывался образ Пушкина, который приобретал устойчивые черты и вместе с тем сохранял возможность изменяться в процессе саморефлексии русской культуры. Образ Пушкина стал для русских интеллектуалов

---

¹ А. М. Опекушин (1838–1923) — русский скульптор, академик и действительный член Императорской Академии художеств. Участвовал в создании (по проектам М. О. Микешина) памятников «Тысячелетие России» (1862 г.) в Новгороде (его авторства исполнение фигуры императора Петра I), императрице Екатерине II в С.-Петербурге (1873 г.). Памятник А. С. Пушкину (1880 г.) на Тверском бульваре является наиболее известной работой Опекушина. — *Прим. авт.*

в том числе и способом размышления об отечественной истории и культуре.

Разница поколений определила разницу мышления интеллектуалов, родившихся преимущественно в 20–30-х гг. XIX в., которые росли и сформировались при жизни Пушкина, и следующего поколения 50–60 гг., которые уже не застали поэта. Речи митрополита Макария, Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова, И. С. Тургенева на открытии памятника 1880 г. объединены общими темами: «патриотизмом», «народностью», «национальным самосознанием», «первым русским поэтом», «культурной виной». Речах присутствуют различия, когда роль Пушкина смещается в одну или другую сторону в вопросе «Пушкин — европейский или народный русский поэт?» Однако речи сохраняют единство мнений о Пушкине, чего нельзя выделить в статьях 1899 г.

Статьи «Мира искусства» (1899) являются критикой речей предыдущего периода, а также попыткой переосмысления поэта с точки зрения индивида. Д. С. Мережковский в «Празднике Пушкина» (1899) оценивает событие 1880 г. как желание сблизить пушкинское творчество и современность. Известно, что политические, религиозные, этические взгляды Пушкина были неоднозначны, и Мережковский один из первых, кто указывает на то, что взгляды самого поэта искажаются культурно-патриотической позицией ораторов 1880 г. Н. М. Минский в «Заветах Пушкина» (1899) указывает на невозможность определить творчество Пушкина и его роль в конкретной общественно-политической повестке. Автор обосновывает данный тезис, обращаясь к художественным особенностям творчества поэта. Минский предлагает переосмыслить образ Пушкина, рассматривая его жизнь, и тем самым актуализировать новое понимание в настоящем.

Также в статьях этого периода возникает не образ национального гения, а образ поэта как личности. Показательной является статья П. П. Перцова «Смерть Пушкина» (1899).

Перцов также, как Мережковский и Минский, отмечает, что либерально настроенная интеллигенция видела в Пушкине только выразителя народно-освободительных идей. Причем нужно отметить, что Перцов фиксирует, что эта идея до сих пор является актуальной в определенных кругах русской мысли. Перцов критикует статьи за этот год, посвященные юбилею Пушкина, из других журналов: П. Н. Полевого «Наш великий поэт», Е. А. Соловьева «А. С. Пушкин в потомстве», П. Ф. Гриневича [П. Ф. Якубовича] «А. С. Пушкин (1799–1899)», В. А. Мякотина «Из пушкинской эпохи», В. Е. Якушкина «О Пушкине», И. А. Шляпкина «Александр Сергеевич Пушкин», которые продолжают традицию Пушкина как национального гения.

Для Перцова, как и для В. С. Соловьева в статье «Судьбе Пушкина» (1897), понимание поэта формируется из анализа поступков, которые привели его к дуэли и смерти. Из этого следует, что мы снова можем видеть, понимание Пушкина как человека с виной, долгом, обязанностями и требованиями, которые ставятся обществом индивиду. Для этих авторов в образе Пушкина выделяются те черты, которые передают индивидуальность, характер, его поступки.

Таким образом, мы видим, что к юбилейному году — столетию со дня рождения Пушкина — в русской культуре складываются два образа поэта: национального гения и поэта как человека яркой индивидуальности. Образ Пушкина в русской культуре становится выражением её самосознания в определенные исторические периоды.

Следующий виток развития рефлексии русской культуры над Пушкиным не связан с материальным «местом памяти», как памятник поэта, или «местом памяти», как его столетний юбилей, а сформирован общемировыми процессами в истории. Один из выводов рефлексии русской культуры XX века над Пушкиным зафиксировал Варлаам Шаламов в Манифесте «О <новой> прозе», где Пушкин противопоставляется

Толстому и Достоевскому, которые тоже являются выразителями русского культурного кода. По мнению, Варлаама Шаламова «после Хиросимы, после самообслуживания в Освенциме и Серпантинной на Колыме, после войн и революций все дидактическое отвергается», а «Искусство лишено права на проповедь. Искусство не облагораживает, не улучшает людей. Искусство — способ жить, но не способ познания жизни. Чему может научить Гейне или Некрасов? Имеет ли значение личное поведение (апостольство) для поэта?» [1, т. 5. С. 157]. Социальные катастрофы XX века повлияли на памятование культуры о своём прошлом и о тех, кто её представлял.

Образ Пушкина во второй половине XX века в России также отличается от прошлых рефлексий, а память о нем противопоставляется предыдущей памяти. Необходимо сделать замечание, что речь идёт о русской культуре исключительно внутри России, так как русская эмиграция по-своему рефлексировала над культурно-историческим наследием и, в частности, над Пушкиным, Толстым и Достоевским.

Замечание Шаламова о лингвистическом подходе, которое он вводит в начале текста, демонстрирует, что периоды XIX и XX вв. противоположны в своих взглядах на прошлое, что в свою очередь влияет на самоидентификацию культуры. Как и для современников Достоевского и представителей Серебряного века, Пушкин остаётся для русской культуры прошлого столетия выражением национального самосознания. Однако в XX веке появляется перспектива разделить культурное наследие автор и его персону. В свою очередь понимание Пушкина представителями XIX века происходило через биографический метод, а идеи, культурное наследие являлись суррогатами автора.

В то же время позиция Шаламова о творчестве и роли литературы во второй половине XX века имеет диаметрально противоположные положения А. Белого и формальной школы. Именно личность и автобиография называются

альтернативой большой прозе, а рассказ актуальнее романа. Шаламов пишет: «Читатель перестает доверять художественной подробности. Подробность, не заключающая в себе символа, кажется лишней в художественной ткани новой прозы... Собственная кровь, собственная судьба — вот требование сегодняшней литературы» [1, т. 5. С. 146]. Как и Адорно, считавший некоторое время, что классическое искусство не возможно после социальных катастроф XX века («Писать стихи после Освенцима — это варварство» [2. S. 30], Шаламов видит, что классическое представление о литературе и литературная традиция не могут продолжать существовать в том же виде, учитывая современные исторические события, а само искусство утратила свои атрибуты, которые были ей характерны до этого. «Искусство лишено права на проповедь. Искусство не облагораживает, не улучшает людей. Искусство — способ жить, но не способ познания жизни. Чему может научить Гейне или Некрасов? Имеет ли значение личное поведение (апошество) для поэта?» [1, т. 5. С. 157].

Манифест Шаламова посвящён вопросу, какая литературная традиция является актуальной и жизнеспособной во второй половине XX века: пушкинская, Достоевская, Толстовская? Таким образом, в тексте Шаламов актуализируется связь исторических переломов XX века и нравственно-эстетических идей прошлого столетия, выраженных пушкинскими заветами, «русской идеей» Достоевского [3, т. 18. С. 37], «толстовством».

Шаламов отмечает, что Толстой отступил от традиции пушкинской прозы. «Наследником Пушкина не был и Лев Толстой» [1, т. 5. С. 157]. Причина — разрыв в середине XIX столетия с краткостью и равновесием пушкинской школы, разрыв, который направил русскую литературу по другому пути.

Толстой, Достоевский, как и некоторые авторы второй половины XIX века, стремились влиять на общество и государство в соответствии со своими нравственно-эстетическими

идеалами. Творческие искания авторов были направлены не совсем на изменение действительности, а на выражение в художественной форме установок, необходимые для изменения человека. В понимании Шаламова художественное произведение является инструментом борьбы со злом. Инструмент необходимо использовать прямо по назначению, то есть для не создания идеальной концепции, а для борьбы через непосредственное указание на это зло. Художественные принципы романа XIX века, по мнению Шаламова, мешают этой борьбе, так как направлены на создание вымысла и в основе его лежит конкретная идея, а не реальный опыт автора. Рассказ обращает внимание на существующие в настоящем социальные проблемы и/или заостряет их, в то время как художественная форма романов Достоевского диалогична и направлена на борьбу с противоположными идеалами, «позволяющая проверить и утвердить идеал Христа» [3]. Художественный мир Толстого монолитно монологический, в котором «...все значимое и ценное сосредотачивается вокруг одного центра — носителя. Всякое идеологическое творчество мыслится и воспринимается как возможное выражение одного сознания, одного духа» [4. С. 108].

Шаламов отрицает Толстого и Достоевского не как писателей, как истоков нравственно-эстетических и общественно-политических ценностей и идей служения «благу народа», которые в историческом обозрении оказали обратный эффект на русскую культуру. Постепенное развитие этих идей в обществе привело к внезапной смене культурной формации. «Потеря веры совершилась как-то мало-помалу, вдруг оказалось, что мешок Санта-Клауса пуст» [5. С. 361].

По мнению Шаламова, понимание Достоевского русского народа, как «народа-богоносца» не жизнеспособно во второй половине XX века. Достоевский определяет «народ-богоносец» следующим образом: «Знаете ли вы, — начал он почти грозно, принагнувшись вперед на стуле, сверкая взглядом

и подняв перст правой руки вверх пред собою (очевидно, не примечая этого сам), — знаете ли вы, кто теперь на всей земле единственный народ-«богоносец» (курсив мой. — В. А.), грядущий обновить и спасти мир именем нового бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова... Знаете ли вы, кто этот народ и как ему имя?» [3, т. 10. С. 196] Идея Достоевского базируется на глубоком православном понимании христианства, а русский народ, по мнению писателя, — имеет особое призвание, которое заключается в том, чтобы указать человечеству религиозный путь к спасению и возглавить его на этом пути. Ново-культурные ценности Советской России были той же мере направлены на объединение мира, однако имеется существенное различие. В данном случае отсутствует религиозный элемент, вместо него «обновление мира» следует видеть в социально-политическом ключе, по принципу объединения пролетарского класса всех стран. То есть идея «народ-богоносец» в XX веке трансформируется в «народ труда», что демонстрирует то, что мы имеем дело с разными культурными концепциями, последовавшие друг за другом. Более того, данные концепции идеального общества обладают высокими требованиями как культуре в целом, так и каждому индивиду, существующему внутри неё.

Заветы Пушкина, которые были неизменяемыми константами культуры, были отрефлексированы Достоевским (можно предположить и самой культурой) с позиций современности и получили выражение в рефлексии критиков, которые придерживались социально-политических взглядов. Соответственно, творчество Достоевского является не продолжением творческих заветов Пушкина, но испытал на себе их влияние, принадлежа русской культуре, он отрефлексировал через другого.

Также Шаламовское христианство отличается от христианства Достоевского. Вера Шаламова принимает амбивалентный образ. С одной стороны, справедливо указать на безверие

колымского поэта. В «Четвертой Вологде»: «Вера в Бога никогда не была у меня страстной, твердой — и я легко потерял ее — как Ганди свой кастовый шнур, когда шнур истлел сам собой» [1, т. 4. С. 121]. Но с другой стороны, шаламовская вера в Бога была определена Ю. Шрейдером как «безрелигиозное христианство». Для поэтики Шаламова характерны темы темы богоявления, воскресения, нетленности духа, очистительной стоической веры. Для автора «Бесов» характерно апофатическое понимание христианства, всенародное и всечеловеческое. Для Шаламова «в эпоху Освенцима и Колымы» христианство предстает как индивидуальный акт, в котором выявляются духовные силы каждого человека. Писатель в своем творчестве как бы испытывает заветы христианства во времена социальных катастроф XX в., но не просто проба известных истин, а в некотором смысле «переоткрытие» духовных законов в новых условиях. Олег Миннулин замечает, что «в «без религиозном христианстве» автора колымской эпопеи содержится личная попытка обретения подлинного Откровения, попытка стоическая, мученическая, колоссальная по выявлению духовной силы и, что принципиально важно, реализованная как художественный акт — и поэтому неповторимо индивидуальная» [6. С. 187]. Но для Шаламова «народ-богоносец» не существует, так как не возможно единение в Христе в каноническом понимании, а только как индивидуальная встреча с Богом.

Понимание противопоставления Толстого и Пушкина у Шаламова имеет несколько другие причины. Мирей Берютти считает, «что точки зрения Толстого и Шаламова, такие разные на первый взгляд, в конце концов сближаются. С одинаковой силой и убедительностью оба писателя осуждают зло, исходящее от государства, зло институционализированное, легализованное и безнаказанное» [7], то есть художественное произведение — инструмент борьбы со зло. Шаламов говорит: «Каждый мой рассказ — пощечина сталинизму» [8].

Романы Толстого не являются инструментом борьбы, а, скорее, инструментом для выражения нравственно-духовных идеалов писателя, которые могли бы стать ориентиром для любого человека.

Против этой позиции выступает Шаламов. Писатель принципиально отстаивает анти-дидактизм в культуре.

С данной точки зрения сопротивление Шаламова романной форме было определено установкой на подлинность, как борьбы со злом, которую вносит в произведение только личный опыт автора. Шаламов считал, что такая задача не заложена в природа романа. Следуя за мыслью писателя, можно понять, что Толстой отступал от подлинности для выражения собственных представлений о справедливости и добре.

Стоит предположить, что в идеях Толстого и Достоевского Шаламов видит угрозу влияния авторитета автора на читателя. По Шаламову, идеи двух последних которая ведут к отрицанию государства и политики, то есть к распространению возможностей к злостому акту. «Все террористы были толстовцы и вегетарианцы, все фанатики — ученики русских гуманистов» [1, т. 5. С. 160]. В рассказе о Наталии Климовой («Золотая медаль») Шаламов демонстрирует возможные последствия в следовании толстовских принципов: «В своей жизни она была хорошая, мягкая, добрая девушка, но всегда увлекающаяся. Не далее как года полтора назад она увлеклась учением Толстого, проповедующего «не убий» как самую важную заповедь. Года два она вела жизнь вегетарианки и вела себя как простая работница, не позволяя прислуге помогать себе ни в стирке белья, ни в уборке комнаты, ни в мытье полов, и теперь вдруг сделалась участницей в страшном убийстве, мотив которого заключается будто бы в несоответственной современным условиям политике господина Столыпина» [1, т. 2. С. 200]. Опыт Климовой показывает, что нравственные требования толстовского учения были настолько велики, что человек может, не справится и изменить убеждения

на диаметрально противоположные. Личный опыт автора для Шаламова представляется альтернативой абсолютным требованиям Толстого и Достоевского.

По мнению Семена Франка, «толстовство» и «русская идея» — это кумиры, которые привели Россию к кризису, который выразился в октябрьской революции. О последствиях этих «народнических идей», то есть «во благо для народа», Франк пишет: «Кумир, которому поклонялись многие поколения, которого считали живым богом-спасителем, которому приносились бесчисленные человеческие жертвы, — этот кумир, которому сейчас тупые фанатики или бессовестные лицемеры вынуждают еще поклоняться, во имя которого расстреливают людей, калечат русскую жизнь, издеваются над истинной религией...» [9. С. 123]. И в частности о «толстовстве»: «...Толстовское отрицание государства и политики конкретно кульминирует тоже в определенном общественно-политическом идеале — именно идеале анархизма, который в нем также выступает как абсолютное добро, подлежащее немедленному осуществлению. Пусть здесь отвергается всякое принудительное осуществление идеала; но уже одно то, что мы имеем здесь дело с фанатической сектантской доктриной, для которой абсолютное добро воплощается в определенном порядке отношений, в определенном образе действий, — уже одно это заставляет нас на основании изложенного духовного опыта видеть в этом учении не освобождение от кумира, а воздвижение нового кумира, иное идолопоклонство, приводящее к тому же роковому результату разнуздания зла из желания сотворить добро. Да ведь мы имели на наших глазах живой конкретный пример, к чему ведет фанатическая доктрина отрицания государства и насилия: проповедь неременного и немедленного братания с неприятелем, отказа от военных действий, эта священная война, объявленная войне в 1917 года хотя и не толстовцами, но с явным использованием нравственных мотивов толстовства, привела не к всеобщему умиротворению, а к еще

большему, неслыханному раздору и развалу жизни, когда во имя этой проповеди брат пошел на брата. Нет, кто действительно ощутил в своей душе гибель старых кумиров, тому не по пути ни с каким сектантством — в том числе и с толстовством» [[9. С. 128–129]. Схожу позицию мы наблюдаем и у Шаламова: неприятие толстовства как учение о добре, которое привело к другому злу.

Таким образом, можно сказать, что по Шаламову, русская революция была, в том числе спровоцирована популяризацией «русской идеи» Достоевского и учения о не сопротивлении злу насилием, которые «несут на душе великий грех человеческой крови, пролитой под их знаменем в XX веке. Все террористы были толстовцы и вегетарианцы, все фанатики — ученики русских гуманистов», в то время, как Пушкин постоянно отступал от принципов в силу современных требований культуры и общества. Показательным примером является письмо Пушкина к Бенкендорфу, в котором писатель просит передать ему право выпускать единственную политическую газету [10].

Постоянное отступление от принципов и подстраиваемость под необходимые ситуации раскрывает Пушкина как анти-дидактика. Отделив Пушкина-человека от Пушкина-творца можно увидеть, как первый постоянно сопротивлялся мнению о роль поэта, как «властителя дум». Б. В. Томашевский раскрыл это утверждение в комментариях к стихотворению «Чернь»: «Стихотворение является ответом на требования дидактического морализма, какие предъявлялись Пушкину. Еще вначале 1828 г. в «Московском вестнике», к редакции которого тогда близок был Пушкин, отмечались обращенные к Пушкину советы «строгих Аристархов» преподавать уроки нравственности». Но не столько на страницах журналов, сколько в самом обществе, особенно в кругах, близких правительству, было заметно стремление «направить» перо поэта для служения практическим целям и интересам» [11. С. 443]. Так и второй постоянно стремился вобрать в себя все

многообразии, из которого читатель мог бы выбрать, что ему больше нравится.

Непрерывный поиск художественной формы Пушкина — это постоянная смена взглядов, стремление не впасть под влияние «кумиров», так как история развивается. Мнение, что идеи перестают быть актуальными, сменяются более гуманными, показывает, что Шаламов разделял мнение о постепенном развитии истории к лучшему. «Поиски лаконизма, устранения всего лишнего, всего канонизированного — борьба с каноническим письмом в литературной форме, борьба за новизну, которая единственный критерий подлинного искусства, — смыкается с пушкинскими заветами, с пушкинскими исканиями» [1, т. 5. С. 157]. Возможно, Шаламов имеет в виду то, что «тайна Пушкина» — это постоянная смена культурной оптики, чтобы не стать зависимым от предвзятости убеждений. Достоевский и Толстой, в таком случае, предстают популяризаторами взглядов, которых придерживались на протяжении всего творчества.

Список литературы | References

1. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М., 2005.
Shalamov V. T. Collected works: in 6 vols., Moscow, 1998. (In Russ.)
2. Adorno Th.W. “Kulturkritik und Gesellschaft”, *Adorno Th.W. Gesammelte Schriften. Bd. 10/1: Kulturkritik und Gesellschaft*. Frankfurt; Darmstadt, 1997. (In Germ.)
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов. Л.: Наука, Лен. отд., 1978.
Dostoevsky F.M. Complete works: in 30 volumes (editor-in-chief V.G. Bazanov), Leningrad, Nauka, 1978. (In Russ.)
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow, 1963. (In Russ.)
5. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Художественная литература, Вагриус, 1998.
Shalamov V. T. Collected works: in 4 vols., Moscow, 1998. (In Russ.)

6. Миннуллин О.Р. Беспощадная этика Варлама Шаламова в рассказе «Необращенный» // Вопросы литературы. 2015, № 1. С. 161–188.
Minnullin O.R. “The Merciless Ethics of Varlam Shalamov in the Story ‘The Unconverted’”, *Voprosy literatury* (Questions of Literature), 2015, no. 1: 161–188. (In Russ.)
7. Берютти М. Антитолстовец [Электронный ресурс] // Мирей Берутти. Варлам Шаламов: летописец ГУЛАГа и поэт Колымы, 2014.
Beryutti M. “Anti-Tolstovets” [Electronic resource], *Mireille Berutti, Varlam Shalamov: chronicler of the Gulag and poet of Kolyma*, 2014.
URL: <https://shalamov.ru/research/261/> (access 31.07.2022). (In Russ.)
8. Шаламов В.Т. О моей прозе [Электронный ресурс] // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 4 т. / сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худож. лит., ВАГРИУС, 1998.
Shalamov V.T. “About my prose” [Electronic resource], *Shalamov V.T. Collected works: in 4 vols.* (comp. and notes by I. Sirotinskaya), Moscow, 1998.
URL: <https://shalamov.ru/library/21/61.html> (access 10.08.2022). (In Russ.)
9. Франк С. Л. Крушение кумиров // Франк С. Л. Сочинения. М., 1900.
Frank S.L. “The collapse of idols”, in *Works*, Moscow, 1900. (In Russ.)
10. Киршин В.А. Русская периодика 30-х годов XIX века: политическая и литературная полемика. СПб., 2019.
Kirshin V.A. *Russian periodicals of the 30s of the XIX century: political and literary controversy*, St. Petersburg, 2019. (In Russ.)
11. Джексон Р.Л. Достоевский: поиск формы. Философия искусства писателя. СПб.: ДБ, 2020.
Jackson R.L. *Dostoevsky: the search for form. Philosophy of the Art of the Writer*, St. Petersburg, DB, 2020. (In Russ.)
12. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. III. Л.: Наука, 1977.
Pushkin A.S. *Complete Works: in 10 volumes, Vol. III*, Leningrad, Nauka, 1977. (In Russ.)
13. Шаламов В.Т. Несколько моих жизней. М.: Республика, 1996.
Shalamov V.T. *Several of My Lives*, Moscow, Respublika, 1996. (In Russ.)